

Я 96

60

I320859

Александрович

СВЕЖИЙ
ХЛЕБ

Александр Яшин

**СВЕЖИЙ
ХЛЕБ**

Книга стихов

I 320859

Советский писатель

МОСКВА • 1957



СЫНУ,
ВСТУПАЮЩЕМУ
В ПАРТИЮ



И вот Ильич, бойца того заметив,
Тугую дверь попридержал ногой,
Взял стул в своем рабочем кабинете
И попросил:
— Садитесь, дорогой!

Казалось, что особого случилось?
Ну, вынес стул, ну, попросил присесть...
Ведь не сказался ж в этом Ленин весь?!
А ничего в народе не забылось.

С ЛЕНИНЫМ

Стали мы внимательней и строже
Жизнь сверять с безмерностью мечты.
Все ясней с годами, все дороже
Ленинского облика черты.

Из всего, что ныне вспоминаем,
Возникает, как родник чиста,
Не парадная, не напускная,
Человеческая простота.

Негасимый огонек во взоре,
Вдохновенный труд и страсть в борьбе,
И отзывчивость к чужому горю,
И суровость к самому себе...

На миру, с народом повседневно,
Он и спорить и шутить любил,
Был с людьми не просто душевным —
Сердцем до любого доходил.

Мог неслышно появиться в зале,
Где-то в крайнем посидеть ряду.

Ходоки его одолевали —
Всяк свою ыкладывал беду.

Ненавидя ханжество отроду,
Он имел и смелость и права
В дни лишений говорить народу
Самые суровые слова.

Для людей важна не только вечность,
И дороже, может быть, всего
В нем была его чистосердечность,
Эта доверительность его.

Мы, на все глядя́ его глазами,
Правду нашу в мире утвердив,
Повторяем клятву:
— Ленин с нами! —
Нас ничто не сломит.
— Ленин жив!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Как всегда, весна настала в марте,
Ручейки подспудно потекли.
Словно пятна белые на карте,
Исчезает снег с лица земли.

Зеленя напомнили о хлебе,
Пахнет старой, прелою травой.
Раздались проталинки на небе
И по сердцу хлещут синевой.

Над рекою посвисты и пiski.
Закипают мутные яры.
А вокруг, как девичьи записки,
Лоскутки березовой коры.

И деревья стали выпрямляться.
Все ж тревожно:
Так тяжел был снег,
Что, быть может, многим не подняться,
Не взметнуть вершин своих вовек.

Но в лесу стволов кондовых много,
Хороша их мачтовая стать.
Ведь, наверно же, они помогут
И подлеску головы поднять.

СЫНУ, ВСТУПАЮЩЕМУ В ПАРТИЮ

Сегодня праздник у тебя с утра,
И дома — всем понятное волнение.
Вот и тебе начать пришла пора
Свое второе летоисчисление.

Не на готовое идешь, мой сын:
Иные дни — иные и заботы.
Всем честным людям хватит до седины
И радостей, и горя, и работы.

И кто в каком ни возмужал году,
А, получая партбилеты, знали,
Что нам покой не писан на роду, —
Ни льгот, ни выгод никаких не ждали.

В дни испытаний, горечи, невзгод,
Чтоб мужество меня не покидало,
Я вспоминаю сорок первый год —
Моей партийной выучки начало.

Поутру в Краснопресненский райком
Входили повзрослевшие ребята,

Еще в гражданском, но уже солдаты,
И молча становились на прием.

Как быстро минул кандидатский стаж!
— Когда на фронт?
— Сейчас! —

И все вопросы.

Наверно, так же в бой пошел Матросов:
Пожатие руки — весь инструктаж.

Да, нам всегда была близка мечта,
И не корысть кидала нас в сраженье.
В нас жили смелость, самоотречение
И ленинского сердца чистота.

А повстречаешь, сын мой, на пути
Стяжателей, каких и мы встречали,
Знай — это просто накипь на металле,
Окалина, — ее должны смести.

Для коммуниста легкой жизни нет.
Готовься не к парадом, а к походам.
Тебе народ вручает партбилет —
Бери его
И будь слугой народа.

УТРОМ НЕ УМИРАЮТ

Даже представить трудно,
Как я смогу опять
С вечера беспробудно,
Без сновидений спать.

Страшно, что сил не хватит
Выдержать до утра.
Сядьте на край кровати,
Дайте руку, сестра!

Все, кто болели, знают
Тяжесть ночных минут...

Утром не умирают,
Утром живут, живут.

Утро раздвинет стены,
Окна откроет в сад,
Пчелы из первой смены
В комнату залетят.

Птицы разбудят пеньем
Всю глубину двора.

Чей-нибудь день рождения
Будут справлять с утра.

Только бы до рассвета
Выдюжить как-нибудь...
Утренняя газета
В новый поманит путь.

Да позвонят из дому,
Справятся:
— Как дела? —
Да навестит знакомый.
Только бы ночь прошла!

Тени в углах растают,
Тяжесть с души спадет.
Утром не умирают —
Солнце начнет обход!

ОРЁЛ

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда, широкими кругами,
Не торопясь ушел за облака.

Быть может, дробь совсем мелка была —
Для перепелок, а не для орла —
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но средь далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

НА ВЗМОРЬЕ

Все побережье в пене, в прибое,
И сосны у края воды шумят.
Под вечер море не голубое,
Оно многоцветное, как закат.

Все краски мыслимые на свете,
Густые тона небес и земли
На волны, которые поднял ветер,
Узорными радугами легли.

И все развевалось, колыхалось,
Играло огнем до самого дна.
Менялось небо — и море менялось,
Перенимая его тона.

Казалось до этого все возможным,
А тут ни конца и ни края нет.
— Зачем не поэт я? — сказал художник.
— Владеть бы мне кистью! — вздохнул
поэт.

И музыкант на тонкие руки,
На руки свои взглянул тяжело.

— Я знаю лишь звуки и только звуки,
А тут еще запахи, свет, тепло. . .

А море, навло, как стукнет да грянет
Во всей своей мощи, во всей красе —
И вспомнить заставило об океане,
О беспредельной вселенной всей.

Одни рыбаки следили сурово
За гребнем на каждой крутой волне:
Им утром идти за новым уловом,
Любить красоту не с суши, а снова
Остаться с нею наедине.

ЗАЙЧОНОК

Бродил охотник по тайге с утра.
Промок, продрог,
Валила с ног усталость,
А так и есть — ни пуха, ни пера
На поясе его не оказалось.

Уже смеркалось и во все углы
Вползал туман, промозглый, неуютный,
Как вдруг на тропку, прямо под стволы,
К ногам, шмыгнул зайчонок шалопутный.

Сначала показалось — повезло.
Охотник выстрелил, почти не глядя,
Сорвав на нем, на маленьком, все зло,
От неудач скопившееся за день.

Но смолкло эхо, пыл его остыл,
И сердце стиснула до боли жалость.
Конечно бы, зайчонок жил и жил,
Когда б не раздраженье, не усталость.

Ведь не за ним звала его тайга,
Не для него сухим хранился порох.

Зачем он, слабый, сунулся к ногам
В такую незадачливую пору?

Охотник помнит, хоть прошли года,
Глаза раскосые, подшерсток белый
И тот недобрый, стыдный день, когда
Его душой жестокость овладела.

НИЦЫЙ

Он стучится в дверь мою,
Что-то говорит.
Я, узнав его, встаю
И, что просит, — подаю,
Но рука дрожит.

Не в тряпье он,
А как мы,
Как и все, одет,
На его плече сумы
Старомодной нет.

И похож он у дверей,
Сгорбленный слегка,
На сезонника скорей.
Не на странника.

Принимает трешник мой,
Вытертый до дыр,
Словно заработок свой,
Словно я кассир.

Словно я его кассир
Или брат родной.
И стоит нездешний мир
За его спиной.

Мир, в котором можно красть
И не грех убить,
Не позор к ногам упасть,
Где царят корысть и страсть —
Деньги раздобыть,

Где людей живьем едят
И не в грош душа,
Мать родную не щадят
Ради барыша.

Знаю: разве помогу
Тем, что я подам?
И сдержаться не могу —
Не чужой он нам.

А сдержусь и не подам,
Так другой подаст:
Он пойдет стучаться к вам,
Верно, тронет вас.

Может, он совсем больной —
Хвори без конца?
Может быть, сынок родной
Выставил отца?

Может, где-то недород,
Нивы сожжены,
Но воды набрали в рот
Местные чины?

И, стучась в мое окно,
Гордый от обид,
Он в несчастьях заодно
И меня винит?

Вспоминаю о войне:
Если б не война!
Сколько бед и ран стране
Принесла она!

Всех потерь не возместим.
Есть еще одна:
Искалечила иным
Душу та война.

Может быть, передо мной
Из таких — урод?
Хлеб ему нетрудовой
Горла не дерет.

А вернее — просто плут,
И его закон:
«Что не брать, когда дают?»
Все же я смущен.

Словно трешником своим
Оскорбил сейчас

И просителя
И с ним
Все, что стало дорогим
И святым для нас.

— Может быть, пристроить вас
К делу есть резон?
— Уж скажите: «Бог подаст!» —
Огрызнулся он.

— Пожалели, — говорит, —
Трех дрянных монет!
Зажирили! Совесть спит,
Состраданья нет...

Встреча наша коротка
И нехороша,
У него дрожит рука,
У меня — душа.

ТОЛЬКО НА РОДИНЕ

Да, только здесь, на севере моем,
Такие дали и такие зори,
Дрейфующие льдины в Белом море,
Игра сполохов на небе ночном.

Нехоженными кажутся леса,
Бездонными — оверные ватоны,
Неслыханнми — птичьи голоса,
Невиданными — каменные склоны.

Здесь, словно в сказке, каждая тропа
Вас к роднику выводит непременно.
Здесь каждая хвоинка так люба,
Как будто в ней красоты всей вселенной.

И уж, конечно, нет нигде людей
Такой души, и прямоты, и силы,
И девушек таких вот, строгих, милых.
Как здесь в лесах,
На родине моей.

Но если б вырос я в другом краю,
То все неповторимое,
Как чудо,
Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край, другой —
На родину мою.

В МОРСКОМ МУЗЕЕ

И вот картина:
По откосу,
Где снизу — волны, сверху — сад,
Идут нарядные матросы
В атаку, словно на парад.

Конечно, небо голубое,
Конечно, в небе реет флаг
И, не приняв морского боя,
Бросая все, сдается враг.

Ночная тень — на вражьиx касках,
Над бескозырками — восход.
Все ж разбирался автор в красках...
Но злость,
Но гнев меня берет.

Как только совести хватило
Писать елейным маслом бой!
Ведь кровь, бывало, стыла в жилах,
Кровь — не вода — лилась рекой.

Трудом опасным и тяжелым
Война была для нас для всех,
И самым смелым и веселым
Не каждый час давался смех.

А душу жгло такое пламя,
Что, если б взгляд матроса мог
Упасть на холст в цветистой раме,
Насквозь бы он его прожег.

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ

М. М. Пришвин

Не сломалась моя рогатина,
И на праздничный круглый стол
С волокнистой медвежатиной
Подает хозяйка котел.

Храбрецу поют величальную.
Что ж, по рюмке за храбреца!
Но потом по стакану чайному
За умелого кузнеца!

Расстаюсь, не скупясь, со шкурою, —
Пусть лежит у его стола:
Не свалить бы мне нынче бурога,
Если б сталь не прочна была.

ТОВАРИЩАМ ПО ОРУЖИЮ

Что за лес, если в нем не страшно,
Ни волков, ни медведей нет!
Даже пень — с клеймом и закрашен,
Никаких особых примет.

Все расчерчено по линейке,
Огорожено, подметено,
Тут положено быть скамейке,
Рядом озеру быть должно.

Вдоль опушки травы немножко,
Клок цветов посреди лужка
И прикатанная дорожка,
Как стихи моего дружка.

Павильончики да беседки,
Камнем выслан подход к реке.
Здесь и птицы живут, как в клетке,
И собаки на ремешке.

А ведь рядом рудные горы,
Строевых пород сосняки,

Настоящие волчьи норы,
С ледяной водой родники.

Свистнет ветер — быть бурелому,
Гром ударит — потопу быть.
В дебри эти и днем из дому
Без ружья не смей выходить!

Ведь не в парках же нам, поэтам,
Не в беседках век вековать!
Мы, по чести, должны и в этом,
В настоящем бору бывать.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Не слушайте, когда вам говорят —
Мол, что ни год, становитесь моложе:
Ни часа жизни не вернуть назад,
Листок оторван — день навеки прожит.

Пускай друзья с подарками идут,
Пускай цветы подносят в день рожденья,
Но пусть они в честь праздника не лгут —
Сочувствие честнее поздравленья.

Почаще наливайте им вина,
Пусть пьют до дна, поют свою «Рябину»
И впрямь не видят, что уж седина
Посеребрила вас наполовину.

Зачем нам эта дружеская ложь?
Не слабого десятка юбиляры.
Стареем понемногу...
Ну и что ж?
Лишь годы проходили бы не даром!

ТВОЯ РОДИНА

Все испытала, все превозмогла —
Года тяжелых рукопашных схваток,
И выстрелы врагов из-за угла,
И длинные хвосты у продпалаток.

«Великая!» — мы говорим о ней,
Даем присягу в верности сыновней
И воспеваем с пристальной любовью
Березки, речки, ширь ее полей.

А все ли помним
И всегда ль

о том,

Что Родина была, и есть, и будет
Не только реки, горы, отчий дом,
Не просто небо и земля,
А — люди?

Все те, что — рядом, под боком у нас,
И далеко,

чужие нам по крови,

И все они нуждаются подчас
В тепле, в участие,
В братском добром слове.

С любимым ты мог служить в одном полку,
Делиться на походе сигаретой,
В далекой стороне, как земляку,
Поверить душу...
Как забыть об этом?

И если ныне он, товарищ твой,
Твой соотечественник — пусть не близкий,
Безвестный пусть —
в беде, в нужде какой, —
Спешит ему помочь, он не чужой,
Не отмахнись служебной запиской.

Спешит на выручку, других зови, —
Пусть не найдется душ глухих и жестких!
Без этого к чему слова любви
О Родине,
О речках,
О березках?!





АЛТАЙСКІЕ
СТИХИ





* * *

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни.

Там, средь лесных берлог,
Я возмужал и вырос,
Первый страх превозмог,
Первое горе вынес;

К трактору привыкал,
Свыкся с порой страдною;
Там в первый раз припал
К речке с живой водою.

Все на земле родной
Мне лишь на пользу было:
Грудь не спирало в зной,
В стужу не леденило.

Что там ни говори,
Мне не заменит город

Ясной, в хлебах, зари,
Ягодного косогора.

Снова издалека
Манят и лес и поле.
Пусть на моих руках
Будут гореть мозоли.

Пусть в самый зной работ
На поле хоть однажды
Губы опять сведет
От нестерпимой жажды.

Хочется самому
Тяжесть весны изведать
Там, где в пыли, в дыму
Делается победа,

Где и моя целина
Вспашки ждет и расцвета...
Так принимай, весна,
Пахаря и поэта!

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

— Ну-ка, песню, что ли, для начала:
«Степь да степь кругом...» —
И вот с крыльца
Всем родная песня зазвучала.
Степь вокруг без края, без конца.

Кто Москву припомнил,
Кто по милой
Загрустил, вздыхая глубоко.
У девчонки сердце защемило,
Что до мамы очень далеко.

Отошла машина от конторы,
Чемоданы сложены у ног.
Вот они, целинные просторы,
МТС среди степных дорог!

Все казалось новым, незнакомым.
Сизой дымкой даль заволокло,
А запели песню — и как дома:
Хоть грустна, а на душе светло.

«Степь да степь кругом...»
За ленинградцем,
За кубанским смуглым пареньком
Начал плавно выводить, стараться
Воложанин с круглым говорком.

По началу глухо и несмело,
Но когда взялись сибиряки,
Песня окрылилась, полетела
Вширь и вдаль,
По берегу реки,

По-над рощей, в небо голубое,
В холодком подернутую высь.
Захватила песня все живое —
Из села гудки отозвались,

Зашумели гуси по озерам,
И на посевные рубежи
Издалека двинулись моторы
Степью той,
Что широко лежит.

Все вокруг с ребятами запело.
Поднялись — уже одна семья.
И старшой сказал:
— Пора за дело!
Вот и познакомились, друзья.

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Сошли снега.
В степи весенней
Стихал заметно шум воды.
На новых землях с нетерпением
Мы ждали первой борозды.

А первой не было.
И многим
День показался слишком прост,
Затем что трактор от дороги
Взял сразу целых пять борозд.

АЛТАЙСКА́Я ВЕСНА

Весь май с погодой неполадки.
В колючем инее стволы,
И по околкам куропатки
Еще по-зимнему белы.

Прогноза верного
на сутки —

И то не дашь,
У всех просчет:
Поналетели с юга утки,
А в камышах озерных лед.

Пригреет днем,
Поутру снова
Свежо,
В морозной дымке ширь.
Вот и украинская мова,
И степь...
А все-таки Сибирь.

Погоды ждать не стали люди.
Но в День Победы, как назло,

Буря стегнул из всех орудий,
И землю снова замело.

На редкость даже для Алтая
Такая трудная весна,
Из сроков вышла посевная:
То грязь,
То почва холодна.

Ребята часто балагурят,
Не прочь порою песню спеть,
Но с каждым часом больше курят,
Чтобы усталость одолеть.

И новички, во все вникая,
Работают, ночей не спят.
— Пускай все сразу испытаем!
Лишь крепче будем! — говорят.

— Снесем любую непогоду,
Чтоб урожай стоял стеной,
Узнаем в схватке с целиной
Как достается хлеб народу,
Каким трудом,
Какой ценой.

БЕРЕЗОВЫЕ КОЛКИ

Быть может, бор здесь был когда-то,
Теперь лишь рощи там и тут —
Для косачей, для куропаток,
Для всякой живности приют.

Как на кругу — в сырой ложбинке
Иль на припеке близ реки —
Стоят березки и осинки
Среди хлебов, как островки.

Зовут колками эти рощи,
Околочками.
Почему?
Но слов понятнее и проще
Здесь и не нужно никому.

Хочу, чтоб всё в степях Алтая,
Особенное с давних пор, —
Сердца людские, речь живая,
И запахи, и цвет озер,

И песни, полные значенья, —
Всё стало также для меня
Не требующим разьясненья,
Родным с сегодняшнего дня.

* * *

Снег наконец сошел на нет,
Вода в степных логох запела,
Земля раскрылась,
Потеплела,
И небо изменило цвет.

Испытаны, подновлены,
С зарей в бескрайние просторы
Стальные двинулись моторы —
Передовой отряд весны.

Еще посевы не взошли,
Еще нигде не зеленеет,
А кажется, что от земли
Уже пшеницей спелой веет;

А кажется — тучней стада,
Нарядней стали наши села.
Пригнулись яблони в садах...
Грузовики и поезда
Увозят в степи новоселов.

И жаворонки в вышине
Поют, не складывая крыльев.

Все предвещает изобилье,
Счастливый, хлебный год стране.

Так, сокращая время сна,
Течение суток ускоряя,
В свои права в степях Алтая
Вступала властная весна.

В НОЧНУЮ СМЕНУ

Подрагивая от натуги,
Ломают плуги целину.
Сидят на сцепе две подруги,
«Москвичкою» зовут одну.

То снег летит, то дождик мочит, —
Весна давно, а нет тепла,
Бывает, хоть реви, нет мочи, —
А ничего,
Идут дела!

Перед зарей на травах иней,
Полынь, куда ни кинешь взгляд.
Под стывшим ветром,
Не в кабине,
Согнувшись, девушки сидят.

Обеим кажется порою,
Что не пласты, не целина,
А море бьет у ног прибором,
Что за волной идет волна.

Подружке Вале все в привычку,
Но Валю тоже клонит в сон,

Ну, а Наташеньку, москвичку,
Вот-вот с прицепа свалит он.

Но обернется Валя, взглянет —
И от тепла в глазах ее
Москвичке сразу легче станет
И сразу схлынет забытье.

И сразу выпрямятся плечи, —
Вдвоем все можно превозмочь!
Ей также хочется, чтоб легче
Для Вали стала эта ночь.

И, напрягаясь что есть силы,
Кричит Наташа:
— В добрый час!
Мы не такое выносили! . . . —
Так повторял отец не раз.

КОНЮХ

От махорки лампы гаснут,
Не курить — терпенья нет.
Стол накрыт отрезом красным,
Над столом вождя портрет.

Торжеству большому рады,
Стар и млад пришли на сход:
За великий труд

народ

Получал награды.

Люди, будто не в артели —
На скамейках, на полу, —
А в Москве, в Кремле, сидели.
Молодые чуть не пели,
Подходя к столу.

Присягая на все годы,
Каждый четко, как солдат,

Говорил:
— Служу народу! —
И садился в первый ряд.

От волнения сквозь слезы
У молодки у одной
Вырвалось не как должно:
— Служим нашему колхозу! —
Ей шепнули:
— Все равно!

Только конюх, рыжий дед,
Не сказал ни «да», ни «нет».

Огорчил старик людей:
Раз тебе награду дали,
Должен молвить —
Про себя ли
Или что про лошадей...

Может быть, одной медали
Мало этой бороде?

Взял и сунул под армяк
Да еще нахмурил брови,
Словно выпил натошак,
Словно все ему не так
Да не внове.

— Приколоть медаль-то надо! —
Зашептали деду все. —

Аль не по сердцу награда? —
Но старик не поднял взгляда.
— Ничего! — сказал.
И сел.

Многим даже стало жаль,
Что пришла ему медаль.

А потом, когда с собрания
Вышел конюх, как из бани,
Мокрый весь,
Никто в ограде
В темноте не разглядел,
Как он бороду разгладил,
Как медаль на грудь приладил,
Как он вдруг помолодел.

Хорошо мужик работал,
Было много старику
И вниманья
И почета,
Но такого поворота
Не случилось на веку.

В первый раз за много лет
Не стерпел — заплакал дед.

Не домой пошел — в конюшню.
С лошадьми поговорить.
Кстати, пару непослушных
Случай выпал пристыдить.

Кони радостно заржали
И, взглядевшись в полутьму, —
По всему, из-за медали —
Головами закивали,
Как бы кланяясь ему.

Он сказал им:
— То-то вот!
И меня народ отметил.
Заодно и вам почет.
Я гляжу, на этом свете
Честный труд не пропадет.
Это вам не то что встарь! . . —
И зажег в углу фонарь.

Вдоль конюшни от порога,
Как вдоль строя генерал,
Он шагал, хозяин строгий,
Лошадей журил, трепал,
Крупы гладил, гривы трогал
И для каждой хоть немного,
Хоть два слова, да сказал.

Сосунок, еще без толку,
Маленький, как горбунок,
Мокрой мордой ткнулся в бок.
Он схватил его за челку:
— Признаешь теперь, сынок?

Напоследок ярового
Всем засыпал.

— Ешьте всыть!
Чур, меня не подводить,
Поутру за дело снова, —
Вам за конюха такого
Бога надобно молить!

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождик прошел по садовой дорожке,
Капли на ветках висят, как сережки.
Тронешь березку — она встрепенется
И засмеется,
До слез засмеется.

Дождь прошуршал по широкому лугу,
Даже цветы удивились друг другу:
В чашечках листьев, на каждой травинке
По огонечку,
По серебринке.

Дождь по пшеничному полю пронесся —
Потяжелев, удлинились колосья
И поклонились земным поклоном
Мимо летящим шумным вагонам.

Небо, закончив доброе дело,
Тоже, довольное, посветлело,
И в семицветных его воротах
Звезды блеснули на самолетах.

ПЕРВАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

И за тысячи километров
Слышен Красной площади гул.
Загорелый от солнца и ветра
Праздник стяги свои взметнул.

Средь вагончиков, и палаток,
И домов, что в лесах пока,
Собрались поутру ребята
У трибуны-грузовика.

Берега еще не обжиты,
Не шумит заокольный сад,
Не везде дороги пробиты,
Провода не везде висят.

Кирпичи да кругляк сосновый
Оголенно глядят на свет.
Только площадь была готовой —
Стяжь сама, и конца ей нет.

По степи, среди первых пашен,
Новоселы шагают в ряд,
И московские песни и марши
В этот час и у них гремят.

В ГОРНОМ АЛТАЕ

А мне гроза всегда в охоту.
В горах такой грохочет гром,
Как будто молнии с разлету
О скалы стучаются лбом.

Вода в Катунь рвет и мечет,
Но кажется — она молчит,
Земля лишилась дара речи,
Одно лишь небо говорит.

На миг вершины луч осветит,
Над каждой радугой зажжет —
И снова ливсень,
Снова ветер,
И беспросветен небосвод.

Но вот со скал, из-за Чемала,
Из-за гранитных темных круч,
На нас надвинулись обвалы
Каких-то странно белых туч.

И все, кого застал в дороге
В миг налетевший холодок,

Столпились, словно по тревоге,
С тревогой глядя на восток.

Ужели хлынет град?
И нечем
Его налет остановить.
Опять он, все вокруг калеча,
Начнет косою картечью бить...

Возникла в памяти живая,
Во весь размах большой земли,
Степная ширь полей Алтая,
Где в эти дни хлеба цвели.

Они совсем с горами рядом,
И вздох людской был как мольба:
— Ах, только не было бы града!
Хлеба в цвету!
Цветут хлеба!

ПШЕНИЦА

Что за пшеница!
Нельзя надивиться!
Как раскустилась,
Уже колосится!

В степь на восходе
Люди выходят —
Светятся лица:
— Что за пшеница!

Доброй работой
Не грех похвалиться.
Дед разошелся —
Не остановиться.

Стала молодица
Опять молодиться:
В поле что праздник —
Как не нарядиться!

Парню-новоселу
Шепчет пшеница:

— Самое время
Нынче жениться.

Хочется со всеми
Счастьем поделиться.
Чтобы узнала
И наша столица.

Слушай, столица,
Слушай, родная,
Какая пшеница
Растет на Алтае!

Нашей пшеницей
И солнце гордится,
Вечер настанет —
Не хочет садиться.

Вечер настанет —
Людам не спится:
Все ли готово?
Скоро косовица.

Скоро косовица.
Хороша пшеница!
Будут от хлеба
Амбары ломиться.

В АЛТАЙСКОЙ СТЕПИ

Вся степь — колхозный ток.
Скирды, скирды вокруг —
На север, на восток,
На запад и на юг.

Комбайны на току —
Что ульи на лугу:
Над каждым, словно рой,
Половы столб живой.

Колосьям нет цены —
Они крупны, плотны,
Как те, что в герб страны
Пучками вплетены.

Когда в степи восход,
Вся в золоте она.
Не сосчитать подвод
Отборного зерна.

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Всей семье как сбор назначен,
Только скатертку постлатъ.
В каравай, еще горячий,
Входит нож по рукоять.

В пожелтевшей гимнастерке
Сам большак в углу сидит.
Чуть похрустывает корка,
Духовитый пар валит.

— Ну, — сказал он, — по потребе
Начинайте в добрый час!
Полной мерой нынче хлеба
Выдает земля для нас.

Золотистые горбушки
Срезал: это для детей.
Наособицу старушке
Вынул мякиш из ломтей.

Скосок свой, усы поправив,
Крупной солью посолил,

Всей своей семье и славы
И здоровья посулил.

И еще промолвил слово:
— С хлебом горе не беда! —
Не забудьте, мол, какого
Стоил этот хлеб труда!..

ПОКУПКА АВТОМОБИЛЯ

С осени в гору пошли дела,
Хлеба в степях в изобилье.
И на продажу к нам прибыла
Партия автомобилей.

Дворик расчистили на задах
Районного магазина.
Словно на выставке, в два ряда
Встали к машине машина.

Так бы отныне всегда, везде,
Да чтобы всего в излишке!
Стайкой, как птицы на борозде,
На изгороди ребятишки.

Если при средствах, садись — и в путь.
Так и сверкают части.
Что там купить!
На машину взглянуть —
И то немалое счастье.

В полдень старик, невзрачный на вид,
Вводит во дворик внука.

— Щупать-то можно ли? — говорит.
Ахает: — Славная штука!

Сам завмаг — на что величав —
Тут оказался рядом.
— «Победу» хотите иль «Москвича»?
Можно с доставкой на дом.

И ни — чтоб рывкнуть иль нагрубить.
Ведет себя осторожно.
Старик говорит:
— Отчего не купить?
Купить, пожалуй что, можно.

Только позвольте повременю... —
А сам сигнал проверяет,
Глядит под капот, как в зубы коню,
Вдыхает.
Не покупает.

Уже с хитрецою смотрит завмаг:
По деду ль такая сумма!
— Нельзя отступить, коль сделан замах.
Машина — не фунт изюма.

Кусается, нет ли, а по рукам!
Сомненья мне непонятны.
Быть может, товар не нравится вам?
— Ну что вы, товарищ знатный!

— Так завернуть?
— Да вот не решусь.

Как будто связаны руки.
Есть деньги, а все чего-то боюсь,
Хоть надо: требуют внуки.

Конечно, и время теперь не то,
А все будто горбишь спину.
Никак не привыкну:
Мужик простой —
И вдруг подавай машину!

Ведь не кобылу...
Легко сказать!
Поймите, не торопите...
— Все ясно, — сказал завмаг. —

Подобрать? —

И дед ему:
— Подберите!

В РОДНОМ ДОМУ

Наконец-то есть диплом.
До свиданья, город!
Скоро, скоро отчий дом,
Степи да озера.

Нина всей родне своей
Сообщила: «Еду!»
Председатель подал ей
К поезду «Победу».

Уважительный шофер,
Овладев вниманьем,
С ходу начал разговор
Про образованье.

Дескать, вы теперь вольны
Выбирать дорогу,
А у нас тут целины
Объявилось много

И осесть в своем дому
Можно в лучшем виде...

Нина молвила ему:
— Поживем — увидим!

Легкий шарфик за спиной
Треплет встречный ветер.
Ну, конечно, дом родной —
Он один на свете.

Вот промчались по овсу
Вдоль лесных опушек,
И как будто на носу
Прибыло веснушек.

До чего же хороши
Уродились травы,
Конопля что камыши,
И ячмень на славу.

Окупился труд людской:
Чудо — не пшеница.
Право, в ноги бы такой
Надо поклониться.

И волненья не тая,
Нина попросила:
— Не спешите!
Здесь моя
Юность проходила.

Стойте!
Здесь вот, у реки.

В роще этой самой
Я грибы боровики
Собирала с мамой.

Не в машине с вихорьком
Проезжала мимо,
А бродила босиком
По земле любимой.

Взяли смаху косогор
И остановились.
— Стало быть, — сказал шофер, —
Вы не загордились.

И родимые места
Не забылись вроде:
Снова наша красота
До сердца доходит.

Тут любые профиля
Требуются ныне... —
И опять — поля, поля
В дымке светлосиней.

Дома, видно, заждались.
Мать, конечно, в слезы.
Одногодки собрались
Со всего колхоза.

Разузнать охота всем,
А спросить неловко:

В отпуск Нина, аль совсем,
Аль в командировку?

Подступают, кто смелей,
К делу осторожно:
— Нынче жить и на селе
При желанье можно.

И шофер опять:
— Живем,
Веселее стало.
Вот хлебов богатых ждем,
Жаль — народу мало.

Намекают: дай ответ.
Никуда не деться.
— Разве ж я сказала «нет»?
Дайте осмотреться!

Сдернув кожаный картуз,
Входит предправленья.
— Ну, спасибо вам за вуз
От всего селенья.

Подоспели в самый раз,
Поддержали славно.
Вы четвертая у нас,
Нина Николавна.

Пусть колхоз не знаменит,
Кое в чем отсталый,

Но в ученых дефицит
У самих немалый...

Он присел на табурет
И смотрел ревниво:
Стосковалась или нет
По колхозным нивам?

Все ж не видел столько лет...
И не скрыл сомненья:
— Жаль, конечно, если нет
Нужного решенья.

Самовар уже кипит.
Ставит мать стаканы,
То на дочку поглядит,
То на чемоданы.

И защелки и ремни —
Видная работа...
— Ты уж, Нина, не тяни.
Покажи — чего там?

Дочь, во всем себя вина,
Шепчет по секрету:
— Кроме книжек, у меня
Ничего там нету,
Уж прости!..

— Да, свет ты мой, —
Старая смутилась. —

Хорошо, что вот домой
Сразу воротилась.

Разве ж в город отпущу —
Что они там судят?!
Вот блинками угощу —
И решенье будет.

Без тебя я, верь не верь,
С толку сбилась прямо.
Навсегда ведь ты теперь?
— Ставь блинки-то, мама!

ДВА УРОЖАЯ

Трибуна хоть не высока,
А всей стране видна.
Мнет женщина концы платка,
Волнуется она.

Расскажет, если начала,
Про все житье-бытье:
Как обязательство брала
И как природа подвела
В прошедший год ее.

— С весны заладили дожди,
Ну, просто спасу нет!
К посевам лучше не ходи
В глазах мутился свет.

А после — сушь,
Да заодно
Пыль, неба не видать.
Какое тут льноволокно —
Семян не оправдать!..
Но слово родине дано,

И я решила:
Все равно
Должна его сдержать,

По двадцать центнеров на круг
С гектара дать должна.
Я собрала своих подруг —
Артель у нас дружна!

Решили воду подвести.
Старались, как могли,
Чтоб лен от засухи спасти...
И все же больше десяти
Не взяли от земли.

Ох, пораженья горек час!
Едва не выплакала глаз —
Слеза-то солона.
А люди утешали нас:
Не ваша, мол, вина.

Природой, дескать, все давно.
Как ты ни бейся, решено —
Упрямая она.
«Все верно, — думала я, — но
Ведь обещание дано,
Я устоять должна...»

Она поправила цветной
Платок,
Что падал с плеч,

Утерлась, словно в зале зной,
И продолжала речь:

— Наука в помощь к нам пришла —
Районный агроном.

Сказал он:

«Выправим дела.

Погодка, верно, подвела,

Но мы свое возьмем.

Свое, сказал, возьмем всегда!
Хоть сроки коротки,
Но не бояться ж нам труда,
Ведь мы большевики!..»

А я, по правде, никогда
Партийной не была,
Но слово все-таки дала,
И в слове я тверда.

«Сей, — говорит, — еще!»

И мы

Взялись за сев опять.

Два урожая до зимы

Задумали собрать.

Добротней первого сняла
Я новый лен с полей.
Природа тоже поняла,
С кем надо ладить ей.

Взгляните вот на волокно:
Что шелковая — прядь.
Раз слово родине дано,
То это слово быть должно
Ее делам под стать!

ЭЛЕВАТОР

Он, как скала, в степи стоит,
Вся степь вокруг видна.
Пшеница на холмах шумит,
И на него, как на гранит,
Надеется она.

Церквушку сгорбили века —
По куполá в земле.
А он с осанкой маяка
И входит — солнцем в облака —
В пейзаж родных полей.

Лишь раз в предзимье примет он
Поток машин, подвод —
И поезда со всех сторон
За хлебом, словно на поклон,
К нему идут весь год.

Ночами от его огней
Светло в краях глухих.
Что непогодь такой броне!
Немало крепостей в стране,
И он — одна из них.

ВАГОН В СТЕПИ

Давно не крутятся колеса,
Да просто нет под ним колес.
По буфера в цветах и в росах,
Вагон в сырую землю врос.

Хоть и кривой и неказистый,
Не парусина все же, дом.
Прицепщики и трактористы
Живут с весны до стужи в нем.

Рассохлись полки, стены тонки,
А все ж оседлость налицо.
Уж не купе, а комнатенки.
Уже не тамбур, а крыльцо.

Что сохранилось от чугулки?
Вагон закончил свой маршрут.
Поутру яйца в гнезда-лунки
Несушки под полом кладут.

На крыше радиоантенна,
Веревка с вымытым бельем.
По вечерам самозабвенно
Поет гармошка под окном.

Но, свыкшись с новым назначеньем,
Вагон на свежем ветерке
Весь в напряженье, весь в движенье,
На службе, а не в тупике.

Опять вдали огонь зеленый,
Мелькает в окнах тот же дым,
И фары тракторной колонны
Путь освещают перед ним.

Его, как раньше, сотрясает
Неугомонный топот ног.
Он ни на час не покидает
Родной земли больших дорог.

НОВОСЕЛЬЕ

Выстроились в несколько рядков
Сборные совхозные дома,
И как ветром унесло палатки.
Что ж, теперь пускай метет зима!

Ранним утром по тропинке тряской
В светлую квартиру перешел
Со своей плетеною коляской.
В полном смысле первый новосел.

Вслед за ним, собрав свои пожитки -
Одеяла, книги, рюкзаки,
Не скрывая радости, к калитке
Подошли дружки-холостяки.

Подошли и, заслонясь от ветра,
Осмотрелись, словно им сейчас
Все, что было сделано за лето,
Довелось увидеть в первый раз.

Не одно жилье в степи вчерашней,
Не одни дома возведены,

Два зернохранилища — две башни —
Свежим хлебом доверху полны.

Пусть пока не выровнена площадь,
Сажены дрожат на холоду,
Но взялись — и, значит, будет роща,
Будет пруд
И караси в пруду.

Вспомнили товарищи при этом,
Сколько слов недобрых, свысока
Бросили строителям за лето,
Сколько было писано в газеты,
Сколько жалоб послано в ЦК.

Ни ответственности, ни порядка.
Спит директор, медлит инженер.
Москвичи попрежнему в палатках,
И никто не принимает мер...

А теперь дивились новоселы
Улице, дорогам...
Мудрено,
Как за лето за одно поселок
Вырос здесь —
За лето за одно!

И один из них, окинув взглядом
Эти сердцу близкие края,
Молвил:
— В «Правду» написать бы надо.
Славно поработали друзья!

ЖОРЖИК

Забыл директор МТС
Про запах трав,
Про цвет небес.
Он изнемог,
Он сбился с ног,
Но, вопреки желанию,
Для новичка найти не смог
Работы по призванию.
Из сотни лишь для одного
Не подбиралось ничего.

Афонский Жорж и сам смущен,
Что без работы месяц он,
Пойдет без прекословия
На всякие условия.

Согласен Жорж на трактор сесть,
Но если новый трактор есть, —
На всех других, не дизельных,
Масштаб работы мизерный.
К тому же он пока без прав, —
Пожалуй, в том директор прав.

И на прицеп он мог бы сесть,
Но надо все-таки учесть —
Примите во внимание
Его образование.

Так в мастерские, может? Что ж!
И тут готов работать Жорж,
Но он откликнулся на зов
Не для ремонта тракторов,
Ему поручено страной
На целину идти войной.

С Афонским главный инженер
И день и два беседует:
— Смогли б учетом, например,
Вы овладеть как следует?

И секретарь райкома с ним
Работает стойчески:
— Ведь мы, товарищ, что хотим?
Ведь мы, товарищ, очень чтим
Шаг ваш патриотический...

Смеются над директором —
Он стал заправским лектором.
Все здесь с Афонским носятся,
Хотят добраться до сердца.

Но сколько ни стараются,
Никак порывы личные

У Жоржа не вмещаются
В условия обычные.

Во всей Гилёвской МТС
Для Жоржа нет достойных мест.
И он почти не пьёт, не ест,
Лишь пьёт — не ест,
Все ищет мест.

Стоит он у прилавка и
Размахивает справками.
Его характеристики
Подшиты листик к листику.

Еще кричит,
Еще ловчит,
Но сам теряет мужество:
Не принимают москвичи
Его в свое содружество,

Не верят Жоржу на слова...
А коль сбежать попробует —
Не принимай его, Москва,
Не создавай ему, Москва,
Условия особые!

ПРОЧИТАЛИ МЫ РАССКАЗ...

Прочитали мы рассказ —
Все про нас да про нас:
До того наглядно, складно,
Прямо — слезы из глаз.

Прочитали стихи —
И стихи неплохи.
Просмотрели кино —
И в кино все одно.

Как на выставке дома —
С росписью, точеные,
Не дома, а терема,
Крыши золоченые.

Под правленьем особняк,
Ресторан — не чайная,
Не ларек — универмаг,
Все необычайное.

Заведенья скотные
Все подряд добротные —

Просто любо взглянуть:
Не какие-нибудь,
А высотные.

По загонам табуны —
Рысаки да скакуны,
Гладкотелы, быстрокрылы,
На бегах проверены.
Ни одной простой кобылы,
Мерины похерены.

А колхозники живут —
И не курят и не пьют,
Не ревнуют, не скучают,
Только книжки читают,
Только песни поют.

Что ни день — гуляния,
Волжские «страдания»,
Свадьбы да потехи.
И в соревновании
Что ни день — успехи.

Под запретом хрен и квас,
Хлеб простой, горбушеньки,
Но зато
Напоказ
Все, что нужно душеньке, —
Разносолы, сладости,
Разные разности.

Где-то всякие-такие,
Не типичные,
А мы все передовые,
Все отличные.
Все сознательные,
Все красивые,
Показательные
Да счастливые.

Все коровы — рекордистки,
Все девчата — трактористки,
Все молодки — депутатки,
Все в довольстве и в достатке,
Как во всякой сказке-складке.

Вот такая жизнь у нас:
Прямо — слезы из глаз!
Тишь да гладь,
Достигли цели,
Все имеем, что хотели,
Больше не о чем тужить.

Нам бы в этакой артели
Хоть денек пожить!

ПРИМЕТЫ ОСЕНИ

Само собой — короче дни
И холода подряд,
Метельной замяти сродни
Обильный листопад;

И всполошенный шум осин
Над желтою тропой,
И журавлиный в небе клин,
И дождь — само собой.

Приметы осени давно
Известны хорошо,
Казалось, новой ни одной,
Но мы нашли еще.

Давно не слышал Барнаул,
Чтоб в тишину полей
Такой густой врывался гул
Воздушных кораблей.

Как будто с тракторами их,
Чтоб шла скорей страда,

Из областей, краев других
Подбросили сюда.

Решили мы, что возросло
Крылатое число,
Что трассы новые легли
Во все концы земли.

А то, что низок в сентябре
Воздушный потолок,
Что просто осень на дворе, —
Нам было невдомек.

Сплошная непогодь. Темно.
Едва видны поля.
А в непогодь для всех равно
Надежнее земля.

О НАСУЩНОМ

Что за нелепое утверждение!..
Я отвергаю с негодованьем,
Будто весна лишь время цветенья,
Будто бы осень — пора увяданья.

Свежему хлебу дивлюсь, как чуду,
Не уставая дивиться буду —
Нет ничего красивее в мире
Этой поющей бескрайней шири.

В теплом хрустящем хлебном прибое
Тонет и тает горе любое.
Осень такая, что душу греет.
Верится — люди станут добрее.

Станут мои земляки сердечней,
Нет — не беспечней,
Но человечней,
Непримиримы к любым недугам,
Будут горой стоять друг за друга.

Радуясь новой своей победе,
Не забывают, друзья, соседей!
Если беда с кем-нибудь случилась, —
Не обходите, сделайте милость!

Хлынет верно дождем изобильным —
Пусть станет каждый щедрей от счастья,
Робкий — смелым,
А слабый — сильным.
Пусть не кичится начальник властью,

Помнит, что он — лишь слуга народа,
Не по анкетам о людях судит.

И богатеть будем год от года,
Каждая осень праздником будет.

СУДЬБА

Злате Константиновне

А мы с тобой всегда вдвоем —
И в Вологде,
И на Алтае,
В лесах, в степях;
Где ни бываем —
Одними чувствами живем.

Верны своим родным местам,
Но кажется порой обоим,
Что будто и родились там,
Где познакомились с тобою.

Ведь даже ливень — не гроза
Без молнии, без озаренья, —
Так мне нужны твои глаза
Для каждого стихотворенья.

От самых первых встреч нигде
Не существуем друг без друга,
Мой добрый друг,

Моя подруга
Не только в счастье — и в беде.

Не это ли и есть судьба?
Ей благодарен вечно буду.
Ведь даже если нет тебя,
Мы вместе все равно повсюду.

ОЩУЩЕНИЕ ВЕСНЫ

Зима. Морозы. Новый год.
А в сердце крепнет ощущение
Весны с ее преображеньем
И неумолчным шумом вод.

Все толще, все прочнее лед,
А пароходы Волго-Дона
Уже покрашены в затонах,
Как будто завтра же в поход.

В колхозы, в МТС страна
Шлет молодое пополненье.
Такое в селах оживленье,
Как будто завтра же весна.

Средь самых лютых непогод
Мы помним о стране весенней.
Весны могучей наступленье
Во всех делах страны живет.

За новым годом новый год,
Как за весной весна, придет.
Все наши чаянья свершатся —
Об этом знаем наперед!

ПЕРВЫЙ ЭШЕЛОН

С рюкзаком шагать в густом лесу
Хорошо дорогой проторенной,
Не бойшься, что сучок зеленый
Невзначай ударит по лицу.

Жаркий шарф распутав на бегу,
Хорошо скользить по твердой лыжне,
Вспоминая добрым словом ближних,
Проложивших этот путь в снегу.

И пахать легко, когда мягка
Жирная земля да крупяная,
Из конца в конец ни корешка,
И мотор гудит, не уставая.

Хорошо, коль дело на ходу,
Дом обжит, станок в цеху налажен...
Но ведь кем-то должен быть посажен
Первый, слабый черенок в саду.

Кто-то должен первый рыть колодцы,
Лес рубить,
Идти на штурм высот.

Мужеством своих землепроходцев
Издавна гордился наш народ.
Есть в сердцах пытливых и отважных
Непреоборимая мечта —
Воду дать земле, сухой от жажды,
Жизнь вдохнуть в пустынные места.

Журавли — и те на трассе звездной
Клином пробиваются вперед,
Головной раскачивает воздух,
Облегчая для других полет.

Не о хлебе об одном мечтаем,
С холодов заботясь о весне.
Всей земле дорогу пробиваем,
Первые идем по целине.





ЛИРИКА





ИЗВЕЧНОЕ

Да, я не вижу другой такой,
Чтобы навеки — по сердцу.
Так почему ж в душевный покой
Входит разноголосица?

Так почему же по целым дням
Наш разговор не вяжется,
Все что-нибудь мерещится нам,
Все что-нибудь да кажется?

«С кем говорил?»
Да «К кому ходил?»...
Это ж обидно, милая!
Если бы вдруг человек остыл,
Разве удержишь силою!

Радость не в радость, коль веры нет,
Страхи да подозрения.
И канитель эта много лет
Тянется без изменения.

Надо, чтоб на сердце был покой,
Чтоб никогда постылая
Ревность не трогала нас с тобой. . .

А почему ты сама домой
Поздно вернулась. милая?

УПРЕК

Гасит огни больница —
Все не смыкаю глаз.
Что бы тебе появиться
В этот нелегкий час,

В этой, в моей палате,
Хоть на минутку,
Вдруг,
В белом до пят халате:
Все-таки — старый друг!

Сел бы у изголовья.
Вот мы опять вдвоем!
Может, хоть о здоровье
Справился бы моем.

Врозь иногда по году —
Трудно заговорить.
Что-нибудь про погоду
Молвил бы, может быть.

Я понимаю: служба,
Лекции там и тут,

Темы — любовь и дружба —
Отдыха не дают.

Можно ли отвлекаться?
Но ведь и я живой.
Что бы тебе догадаться
Вспомнить о том порой

И хоть перед рассветом
Иль на исходе дня
С темой бы вечной этой
И навестить меня!

В СОРОК ЛЕТ

Вот и сорок годов пробило,
А все мнится наедине,
Что пока настоящей милой
Повстречать не случилось мне.

Все еще беспокойно спится,
И на сердце не тишь да гладь,
А порою такое снится,
Что и в сказке не рассказать.

Как мальчишка, к чужим воротам
За случайной звездой бреду —
Все еще надеюсь на что-то
И какого-то счастья жду.

Вдруг отыщется, вдруг привалит,
Хлынет счастье через края...
Скажет:
— Вы обо мне мечтали?
Принимайте ж,
Вот оно — я!

СПОКОЙНЕЕ ВДВОЕМ

Мы не видались много лет,
И он кричит жене:
— Давай, любимая, обед!
Дружок пришел ко мне.

Неси закуски и вина,
Пускай запасы в ход! .. —
И расторопная жена
По комнатам снует.

Из голубых, из ясных глаз
Тепло струят лучи,
А в кухне — в три конфорки газ,
Шумит, шипит, шкварчит.

И мне припомнился на миг
Наш холостяцкий быт —
Три раскладушки, угол книг,
Газетой стол накрыт,

Кривая старая скамья
Да табурет — на круг...

— Ну вот мой дом, моя семья,
Смотри! — хлопчет друг.

Семья, как видно, не мала,
Согласьем дом богат.
С десяток стульев вокруг стола
Под люстрою стоят.

Гора игрушек —
Ватный дед,
Малиновый голыш,
Слон, заводной мотоциклет
И заводная мышь.

Да крутится у самых ног
Пушистый колобок —
Собачка ростом с ноготок,
Конечно, детский бог.

— Ну что ж, все правильно, друзья.
Откуда ни взгляни.
Добро живете!
Где ж семья?
— Да мы, дружок, одни.

— Как так одни? А дети где? —
Спросил и сам не рад:
Быть может, о большой беде
Напомнил невпопад.

Но друг светло в глаза глядит.
— Мы без детей живем,

Работы много, — говорит, —
Спокойнее вдвоем.

С игрушками чудит жена,
Порой заводит их,
А так — порядок, тишина,
Все на местах своих...

Признаюсь, я оторопел,
Неловко стало мне,
Несладко пил, невкусно ел
В бездетной тишине.

«Вдвоем — какой же это дом,
Какая, брат, семья!..»
И на хозяйку с холодком
Взглянул, признаюсь, я.

Но показалось — и она
Немного смущена:
Сидит, не трогает вина
Счастливая жена.

Игрушки ли для этих рук,
Для этих глаз нужны?!
Ее мне стало жалко вдруг.
— У заводного счастья, друг,
Пружины не прочны...

НЕПОСЕДА

Непоседу повстречала,
Полюбила без ума,
Не заметила, как стала
Непоседою сама.

Ничего ему не стоит
Руку наскоро пожать;
То канал уедет строить,
То леса в степи сажать.

До всего нужда-забота,
Обо мне заботы нет.
Вдруг найдет еще кого-то —
Погибай во цвете лет!

С той поры за ним по следу
Я в далекие края
Не задумываясь еду:
Куда милый — туда я.

Лишь одно теперь пугает,
Но пока молчу, тяну:

Что-то много он читает
Про ракеты, про луну.

Ох, уж эти мне ракеты!
Как за милым усмотреть:
На соседние планеты
Не решился бы лететь!

ЖИВАЯ ДУША

На стеклах январских узоры —
Подобие чаши лесной:
Тропинки и снежные горы,
Над кручей дворец ледяной.

За дочкой слежу я ревниво:
Ужель не оценит она?
— Скажи, ведь красиво?
— Красиво! —
Но смотрит в поля из окна.

Никак ей в дому не сидится —
Что толку дышать на стекло?
Надела пальто, рукавицы,
За речку бежит чуть светло.

— Осталась бы с нами хоть на день!
Промерзнешь, промокнешь в снегу.
Тут все, что душе твоей надо. . . —
Но дочь говорит:
— Не могу!

И верно — на стеклах растает
Непрочный, как в сказке, узор,
А в поле поземка живая,
Живой и манящий простор.

И пусть даже выступят слезы —
Дороже домашней игры
Дышать настоящим морозом,
Лететь с настоящей горы.

* * *

С буторка на буторок
Тянется дорога.
На земле таких дорог,
Словно речек, много.

И не хвастайся — не счесть,
Сотни их иль тыщи.
У любой начало есть,
А конца не сыщешь.

Поднимайся до зари
Да берись за дело
И свою тропу тори —
Время подоспело.

Чтоб она текла, вилась,
Крепла понемногу
И в большую бы влилась,
В общую дорогу.

ЕЛОЧКА

Вдали от дома, от Москвы,
От всей своей родни,
Под Новый год остались вы
Совсем-совсем одни.

Я не звонил, не подавал
Тревожных телеграмм,
Собрался вмиг — и на вокзал,
На юг, на праздник, к вам.

Казалось, что наедине,
Вдали от шумных дел,
Заговорить удастся мне.
О чем давно хотел.

Я верил: слышные едва
В полуночной тиши,
Дойдут до вас мои слова,
Слова и крик души.

А днем — об этом я не знал —
В посылке заказной

Вам кто-то елочку прислал
Из области лесной.

Хоть не нарядна и мала,
Без восковых свечей,
Она живой для вас была,
Вы радовались ей.

Как я жалел, жалел до слез,
Почти не пил вина,
Что елочку не я привез,
Что не моя она!

Не догадался, как нужны
Для вас на Новый год
Приметы милой стороны,
Дыханье непогод.

Ужели есть для вас родной
Другой, родней, чем я?
Всю душу отдал вам одной,
А елка — не моя.

Сбылось, как думал: за столом
В предновогодний час
Сидим наедине, вдвоем,
Но елка — промеж нас.

Колючая, за много верст
Пришла, взяла свое.
Вы поднимали каждый тост,
Я видел — за нее.

Рукою — это не в упрек! —
Ее ласкали вы,
Как непокорный вихорок
Упрямой головы.

И вспыхивали огоньки
На зелени ветвей
От вашей ласковой руки,
От ревности моей.

Но я молчал.
Уже восход
Вставал среди вершин...
Встречал я этот Новый год
Совсем-совсем один.

* * *

Жил я в доме у синих скал,
Жил, работал, время не тратил.
Поутру окно открывал,
Закрывал перед°сном, на закате.

Нынче помню только одно:
Ты с горы, как с неба, сходила.
Я не смог затворить окно,
И пошло все не так, как было.

Был закат — занялся восход
На четыре стороны света,
Снова птицы снялись в полет,
Зашумел полудённик ветер,

Ожил лес, ожила вода.
Ты спускалась с горы, по краю...
Будь я даже слепым —
И тогда
Я тебя увидел бы, знаю.

Ничего-то ты не заметил
И не понял моих примет.
Что теперь мне подковы эти,
Коль тебя в моем сердце нет!

СДАЕТСЯ КОМНАТА

Бродил я по заречной стороне
И вдруг увидел девушку в окне.
Пусть скажут: «Несерьезный человек!» —
Но я такой не видывал вовек.

С каким-то объявлением из двух строк
На внутреннюю сторону стекла
Наклеила она простой листок.
Как будто знак любви мне подала —
Повесила батистовый платок.

«Сдается комната!» — я прочитал.
Признаться, я ночлега не искал,
Но тут взглянул —
И до чего ж она,
Та комната, мне стала вдруг нужна!

К окну резному ближе подхожу,
На девушку во все глаза гляжу.
Она молчит.
Рука еще в клею.
И я уже как пред судьбой стою.

Хоть ненадолго захотелось мне
Устроиться в заречной тишине,
В бездымном, деревянном городке,
От рощиц и полей невдалеке.

Листок я начал заново читать.
«Сдается комната, — твержу опять, —
Для одинокого...»
И вот урок:
Зачем я стал дочитывать листок?

Здесь тоже, видно, любят тишину.
Зачем мне было подходить к окну?
Таких условий я принять не мог:
Уж я давно-давно не одинок.

РЕЧКА И ТРОПКА

Течет речка лугами,
Течет речка лесами,
Над ее берегами
Ивняк нависает.

На песок, к переправам,
Опускаются птицы,
Чтоб побегать, поплавать
И водицы напиться.

Вьется речка, струится.
Мох вокруг да морошка.
Вместе с речкой змеится,
Вьется стежка-дорожка.

Все изгибы, изломы
За водой повторяет,
То темна, словно омут,
То под солнцем сияет.

Речка в реку вольется,
Тропка станет дорогой —

И пылит и несется
За водою широкой.

Море реку приветит,
Разнесет по раздолью,
Синим светом осветит,
Просолит своей солью,

А дорога вокруг моря
Ляжет с кручи на кручу.
Даже в этом просторе
Их ничто не разлучит.

* * *

Полюблю — тропкой стану,
Буду мчаться дорогой
За рекою широкой,
За тобой — к океану.

ОХОТНИК

Пред девушкою похвастать
Охотник ничем не мог.
Вот если б к лесным богатствам
Сводить ее на денек!

За ягодами, за медом
За свежим,
От диких пчел, —
В бору не одну колоду
На днях лесовик нашел;

Вдвоем глухаря подслушать,
Дать в руки и ей ружье
И там же открыть ей душу:
Смотри, дескать, — все твое.

Ведь может случиться чудо!
Как в сказке, все может быть,
О чем охотник покуда
Боялся заговорить.

Он взял патронташ да тулку —
И к девушке

На свету.

— Пойдете в бор на прогулку? —

Она сказала:

— Пойду!

Осока резала ноги,

И холодом жгла роса.

Ни мостиков, ни дороги,

Лишь заболоть да леса.

— Смотрите, какие выси, —

Кричал он, — стена стеной!

Тут есть медведи и рыси... .

Но вы — за моей спиной.

В суземах, в черничной чаше,

Без устали мчась вперед,

Он стал забывать все чаще,

Что девушка с ним идет.

А чуть собака взбреднула,

Охотник, взведя курки,

Понесся — как ветром сдуло —

На лай сквозь лес, напрямки.

По просекам, по завалам —

Не под руку, где уж там! —

Она едва попевала

Бежать за ним по следам.

Не мерены километры,

Несчетно часов прошло.

ЗАРЕЧНАЯ КРАСАВИЦА

Шел к подружке парень вечером,
За реку
По лаве перекошенной.
Сапоги скрипучие на нем,
Поясок малиновый неношенный.

Шел и думал:
«Встретит, прибежит,
Изловлю веселую за лапушки...»
А река возьми да покажи
Камушки ему со дна и ракушки.

Засмотрелся, словно не видал,
Грохнулся со всей своей обновой.
Хохотнула хитрая вода
И накрыла голову бедовую.

Девушка милого заждалась,
Стала думать всякую напраслину,
Причесалась, в ленты убралась,
Нарядилась в кофточку атласную,

А не видно милого дружка.
За водой пошла,
Глядит — под лавою
На воде-реке от пояска
Кисточки малиновые плавают.

Вскрикнула и ринулася в дол,
На́ берег — тропой, росой вечернею.
Подоткнула ситцевый подол —
И давай реку ведром вычерпывать.

Разливает воду по лугам,
А сама клянет реку, горюшица:
«Чтобы этим желтым берегам
На тебя, коварная, обрушиться!

Стой, как лужа старая, мутна,
Тухлой рыбой в заводях запружена!
Чтоб тебе, неладная, ни дна,
Ни покрывки за разлуку с суженым!

Как тебе не жить без ключевой
Без воды,
Не шириться, не вырасти,
Так и мне, сиротке, без него,
Без любимого,
И дня не вынести. . .»

Вычерпала девушка реку
Иль река не стала худославиться,
Но погибнуть милому дружку
Не дала заречная красавица.

Пронесла его через овраг,
Уложила на траву
Под кленами. . .

.

Если б жены нас любили так,
Нас водою не разлить бы с женами.

* * *

Что-то есть в тебе очень хорошее.
На цветной сарафан гляжу —
Словно в юности по некошным,
По заречным лугам хожу.

Очень свежие, очень милые
Губ приподнятые уголки.
Вологодскою веет силою
От большой, без колец, руки.

Под окошком проходишь, рослая...
По душе мне такая стать.
Поглядеть на тебя, светлокосая, —
Как на родине побывать.

В МИНУТУ ГНЕВА

Его боялись пуще грома, —
Широкоплечий, страшен был.
Он у врага в дому как дома,
Закинув голову, ходил.

Мы не поверили на слово,
Что страсть его надорвала,
Что из такого из большого
Веревки женщина вила.

И мне на слово не поверят,
Умру — и ей в моем дому
Откроют все столы и двери
И доступ к праху моему.

Она слезами обольется,
Разжалобит моих друзей,
И ни один не разберется
В любви и гибели моей.

Другие в чувствах поклянутся,
Она и тех согнет в дугу...
А я в гробу ни повернуться,
Ни даже вскрикнуть не смогу.

* * *

И в лесу не нашел покоя.
До чего же слаб человек!
Снова я с тобой
И с такою
Примириться готов навек.

По проселкам с ружьем скитаюсь,
И не счесть, сколько раз на дню
То клянущ тебя,
То покаюсь
И во всем лишь себя виню.

Как ни кинь, а все дорогая.
Мне и дня без тебя не жить.
Разве может когда другая
В чем-нибудь тебя заменить!

Надоели леса, охота,
Вдруг до крика сдавило грудь, —
И не будь в тот день самолета,
Я пешком бы пустился в путь.

Но, свалившись с небес под вечер,
Снова сник я —
В который раз! —
От твоих прямых, бессердечных,
От твоих неуютных глаз.

Где уж тут сгоряча, толково
Слово нужное подобрать!
Жаль, что я не сдержался снова:
Прилетел из края лесного —
Надо было пешком шагать.

* * *

Я тебя не хочу встречать,
Я тебя не хочу любить,
Легче воду всю жизнь качать,
На дороге камни дробить.

Лучше жить в глуши, в шалаше —
Там хоть знаешь наверняка,
Почему тяжело на душе,
Отчего находит тоска.

Буду лес вековой рубить,
В мозглой тундре топи гатить.
Я тебя не хочу любить...
Если б мне тебя позабыть!

* * *

По рукам пошла красавица.
Плачет мать порой ночной:
Не охота худославиться
Из-за дочери родной.

Третий раз была, бедовая,
Честь по чести отдана
И опять живет — не вдовая
И не мужняя жена.

На войну ссылаться нечего,
Что осталась без семьи.
Не сама ли искалечила
Годы лучшие свои?

По селу идет красавица —
Будто вязнут каблуки.
За спиною ухмыляются
Озорные пареньки.

Бабы судят речью строгою,
Старики усы едят,

Дома пристально, с тревогою
Дочерям в глаза глядят.

Молча девушки сторонятся,
Ей руки не подают,
И молодки не поклонятся —
Не считают за свою.

По селу идет красавица
Ни жива и ни мертва,
Низко, низко опускается
Золотая голова.

* * *

Мне никогда тебя не простить.
Знаешь, наверно, сама,
Счеты сводить — нипочем не свести,
Легче сойти с ума.

И не уйти от тебя никуда,
Ты на моем пути.
И не забыть тебя никогда —
Легче с ума сойти.

* * *

С утра в колоннах шествуем
По площади по праздничной,
По Красной, по торжественной,
По красочной,
По сказочной.

Здесь все родное, кровное,
И стать и мощь державная,
Вся наша родословная,
Великая и славная.

С холмов высоких светлая
Видна Москва-красавица,
Отсюда на столетия
Просторы открываются.

Над крышами Охотного
Трепещет высь безмерная.
У нас погода летная,
Дорога наша верная.

И в шуме ликования
Живее представляются
Земные очертания
Всего, о чем мечтается.

ВЕРШИНЫ

Раздвинув горизонт страны,
По склонам разметав туманы,
Над всей землей вознесены,
Стоят вершины-великаны. .

Леса еще в густой росе,
Дороги еле проступают,
А уж они во всей красе
Под солнцем утренним сияют.

Потом —
Ущелья в тишине,
Долина сумраком одета,
А там на пиках, в вышине,
Еще полно дневного света.

Сродни нам в этой крутизне
Стремленья к вечной новизне.
Вершины ветер не колышет.
Над ними небо словно выше,
Светлей тона,
Грома грозней.

На них откуда ни смотри —
Все рядом вздыбленные кручи,
Где вихри оползней, как тучи,
Где между скал орел парит;

Все близко.
Руку протяни,
Шагни — и кажется, утонешь
В их освежающей тени
И снегу наберешь в ладони.

На расстоянье, как рассвет,
Мы их окидываем взглядом...

Таков стоишь и ты, поэт:
Все близко, сколь ни минет лет,
Все наш
И неизменно рядом.

* * *

Опять я целый день негодовал,
С дельцами, не с поэтами встречаясь.
Опять в газете не пошел подвал —
С казенным слогом все не уживаюсь.

Опять пришлось с людскою маятой
Столкнуться в министерских коридорах.
В глазах рябил сухой бумажный ворох,
А не мирилась совесть с немотой.

И все, что сразу высказать не смог,
Чем вся душа была до боли сжата,
Принес к своей любимой на порог.
А чем она, родная, виновата?

Еще в передней грянула гроза.
Попробуй сладить с этим раздраженьем!
И верные, печальные глаза
Глядели на меня с недоуменьем.

Как будто бы в густом лесу я сам
Сухую ветку оттянул упруго,
И вот она хлестнула по глазам
Ни в чем не провинившегося друга.

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Может быть, доведется снова
Разлучиться нам на года.
Я хочу, чтобы это слово
Ты запомнила навсегда.

Понимаю, решиться можешь
И сама на любой поход,
Но ведь нет ничего дороже
Материнских твоих забот.

От родного угла далеко,
Как случалось порой и нам,
Брать нелегкой жизни уроки
Приведется моим сынам.

Раздели с ними корку хлеба
И последний глоток воды,
Научи их под стылým небом
Не страшиться любой беды,

Не сгибаться и не ломаться,
Честью смолоду дорожить,
Правдой нашей не поступаться
И родную землю любить.

За детей и за все в ответе,
Укрепим мы свои сердца.
Только б выросли наши дети —
И не будет жизни конца.



СОДЕРЖАНИЕ

СЫНУ, ВСТУПАЮЩЕМУ В ПАРТИЮ

У кабинета Ильича	5
С Лениным	7
Пробуждение	9
Сыну, вступающему в партию	10
Утром не умирают	12
Орел	14
На взморье	15
Зайчонок	17
Нищий	19
Только на родине	23
В морском музее	25
Величальная	27
Товарищам по оружию	28
В день рождения	30
Твоя Родина	31

АЛТАЙСКИЕ СТИХИ

Тянет в простор полей...	35
Первая песня	37
Первая борозда	39
Алтайская весна	40
Березовые колки	42
Снег наконец сошел на нет...	44
В ночную смену	46

Конюх	48
После дождя	53
Первая демонстрация	54
В горном Алтае	55
Пшеница	57
В алтайской степи	59
Свежий хлеб	60
Покупка автомобиля	62
В родном доме	65
Два урожая	71
Элеватор	75
Вагон в степи	76
Новоселье	78
Жоржик	80
Прочитали мы рассказ...	83
Приметы осени	86
О насущном	88
Судьба	90
Ощущение весны	92
Первый эшелон	93

ЛИРИКА

Извечное	97
Упрек	99
В сорок лет	101
Спокойнее вдвоем	102
Непоседа	105
Живая душа	107
С бугорка на бугорок...	109
Елочка	110
Жил я в доме у синих скал...	113
Приметы	114
Сдается комната	116
Речка и тропка	118
Охотник	120
Заречная красавица	123
Что-то есть в тебе...	126

В минуту гнева	127
И в лесу не нашел покоя...	128
Я тебя не хочу встречать...	130
По рукам пошла красавица...	131
Мне никогда тебя не простить...	133
С утра в колоннах шествуем...	134
Вершины	136
Опять я целый день негодовал...	138
Перед дорогой	139

Яшин Александр Яковлевич
СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Редактор Б. И. Соловьев

Художник И. Г. Николаевцев
Худож. редактор Е. И. Балашева
Техн. редактор В. Г. Комм
Корректор Е. И. Краснюк

Сдано в набор 26/X 1956 г. Подписано к печати 20/XII 1956 г. А 12199. Бумага 70×92 ¹/₃₂. Печ. л. 4 ¹/₂ (5,26). Уч.-изд. л. 3,44. Тираж 10 000. Цена 2 р. 20 к. Заказ № 971.

Издательство «Советский писатель»
Москва, К-104, Б. Гнезниковский пер., 10.

Типография № 3 Управления культуры
Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., 1/3.